Рс Ш3
М97

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА

Н. МАРКСЪ

Рк Ш3(2=Т Ук)
М 27

СКЪ ТРЕТІЙ

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

ОДЕССА — 1917.

В 46322-3
Ш 3(2=190)
М 37

ЭЛЬКЕНЪ-КАЯ, ПАРУСЪ-СКАЛА.

(Керченская легенда).

Поднимай парусъ, старый корабль, крѣпи снасти. Будетъ штормъ!

Много штормовъ пережилъ Ерги Псарасъ, не думалъ, что впереди еще самый страшный.

Давно не выходилъ онъ въ море и жилъ въ покоѣ на старости лѣтъ.

Державна ордена Трудового Червоного Прапора Республіканська бібліотека УТСР ім. М. Островського
-3-

Каменные склады въ гавани ломились отъ его товаровъ; мраморный дворецъ Псараса считался красой Пантикапеи, а юноша-сынъ заставлялъ сильнѣе биться женскія сердца.

Пора было выбрать для него достойную, и Ерги Псарасъ, казалось, нашелъ одну.

По волѣ отца сынъ часто навѣщалъ домъ купца изъ Кафы, но возвращался отъ невѣсты всегда задумчивый и печальный.

— Любовь, видно, такая госпожа, смѣялся старикъ, что если кто подчинится ей, она схватитъ за волосы и отведетъ на рынокъ невольниковъ. Вотъ и тебя тоже.

Не спорилъ сынъ, думая о той, которую любилъ.

Та, другая, жила въ дальней деревнѣ, куда сынъ Ерги Псараса наѣзжалъ, чтобы купить пшеницу.

Морщинки уже побѣжали по ея лицу и голосъ не звучалъ по дѣвичьи.

Но въ глазахъ жилъ веселый смѣхъ и каждое движеніе ея звало на радость.

И, встрѣтивъ ее, юноша почувствовалъ, какъ подернулись глаза пьянымъ туманомъ, и цѣпи любви, сильнѣе оковъ, обвили его, какъ преступника.

А она узнала слезы отъ счастья и горе отъ любви и поняла, что поздній призывъ жизни можетъ быть сильнѣе смерти.

— Кому, какъ не мнѣ, горевать, кому, какъ не мнѣ, тосковать; у всѣхъ подъ окномъ поютъ соловьи, но весна обошла мою дверь.

И думала о своемъ мальчикѣ, котораго отняли у нея въ давніе дни. И вспоминала рыбака-мужа, и ревнивый нравъ его, и жестокую расправу съ нею.

Его звали также Ерги, но, кромѣ рыбачьей ладьи, у него не было ничего другого, и жилъ онъ на прибрежьѣ Сугдеи, далеко отъ пантикапейскихъ береговъ.

Не дѣлилась женщина своею скорбной думой съ юношей, боялась затмить свѣтлую минуту встрѣчи.

И безъ того часто печаленъ былъ онъ, и слеза сбѣгала съ его глазъ.

И замѣчая это, она прижималась къ его устамъ въ замирающемъ поцѣлуѣ и, обвивая его станъ нѣжной рукою, напѣвала старую пѣсенку:

— Любовь безъ горя, любовь безъ слезъ,

То же, что море безъ бурь и грозъ.

А между тѣмъ отецъ торопилъ своего сына: корабль уже былъ готовъ, чтобы итти въ Кафу за невѣстой.

Ждали только попутнаго вѣтра—поднять паруса. И когда вѣтеръ зашумѣлъ отъ Камышъ-буруна, Ерги Псарасъ позвалъ сына.

— Пора выходить въ море.

Хотѣлъ сказать что-то сынъ, но увидѣлъ суровое лицо отца, и замерло его слово.

Къ ночи вышелъ корабль изъ гавани, и тогда слуга подалъ старику свитокъ.

— Тебѣ отъ сына.

Прочелъ Ерги Псарасъ.

Если бы ураганъ, который поднялся въ груди его, могъ вырваться на волю, онъ сравнялъ бы всю землю на пути отъ Пантикапеи до Кафы. И если бы свинецъ тучъ, нависшихъ надъ Митридатомъ, опустился на голову старика, онъ не показался бы болѣе тяжелымъ, чѣмъ правда, которую узналъ Ерги Псарасъ изъ письма сына.

— Пусть будетъ трижды проклято имя этой женщины. И лучше своей рукой убить сына, чѣмъ онъ станетъ мужемъ своей матери. Поднимай паруса, старый корабль, служи послѣднюю службу.

И Ерги Псарасъ кричалъ корабельщикамъ объ отчалѣ.

— Съ ума сошелъ старикъ, ворчали люди.

— Штормъ, какого не бывало, а корабль, какъ дырявое рѣшето.

Но звякнули поднятые якоря, и рванулось впередъ старое судно.

Какъ въ былые дни, самъ Ерги направлялъ его бѣгъ, и забыли оба, что одинъ дряхлѣе другого.

Гудѣлъ ураганъ. Взметная волна захлестывала борта, отъ ударовъ ея трещалъ корабельный станъ.

— Въ трюмахъ течь, крикнулъ шкиперъ.

Вздрогнулъ Ерги, но, увидѣвъ впереди мачтовый огонь, велѣлъ только прибавить парусовъ.

Точно взлетѣлъ на воздухъ его корабль, однимъ взмахомъ прорѣзалъ нѣсколько перекатовъ волны; вмѣстѣ съ бѣшенымъ валомъ упалъ въ бездну, почти коснулся морского дна и снова бросился на огромный, какъ гора, гребень.

И съ вершины его увидѣлъ Ерги Псарасъ, всего въ нѣсколькихъ локтяхъ отъ себя, корабль сына.

И былъ мигъ, когда оба корабля, ставъ рядомъ, коснулись бортами.

Бѣлая молнія разсѣкла черное небо, страшнымъ ударомъ расколола береговой утесъ, разбила край Опукъ-кая и обрушила его въ заливъ тысячью обломковъ.

Покрылся заливъ бѣлой пѣной, сквозь тучи пробился свѣтъ луны, и узналъ Ерги сына и женщину съ золотистыми волосами. Узналъ Ерги эти волосы и крикнулъ сыну, пересиливая ураганъ:

— Она твоя мать, будьте прокляты оба!

Налетѣлъ новый шквалъ, уходившій гребнемъ къ небу, бросилъ

всѣхъ на дно развернувшейся пучины, и исчезли они навсегда въ морскихъ нѣдрахъ.

Такъ было.

Вѣрьте.

А на томъ мѣстѣ, гдѣ случилось, увидѣли люди потомъ двѣ скалы и приняли ихъ за корабли, догоняющіе другъ друга.

Пробѣгаютъ суда мимо этихъ скалъ, видятъ ихъ люди и принимаютъ попрежнему за корабли, а подойдя ближе, улыбаются своему обману.

И не знаютъ, что въ обманѣ—правда.

СТАРЫЙ ХРАМЪ.

(Керченская легенда).

Теперь старый керченскій храмъ ушелъ въ землю, сгорбился, какъ старикъ, который несетъ на плечахъ много лѣтъ.

Кругомъ выросли богатые, высокіе дома; грохочутъ фабрики; вытянулись, какъ шея жирафы, заводскія трубы. И среди нихъ затерялся старый храмъ; мало слышенъ, плохо виденъ. И все же не хочетъ перестать жить.

И, можетъ быть, переживетъ насъ, какъ пережилъ многихъ.

Керченскіе греки въ тишинѣ вечера любятъ слушать мелодичный звонъ его колоколовъ; они чтутъ его старыя святыни; поклоняются иконѣ, которая дошла отъ дней, когда впервые служилъ въ храмѣ пантикапейскій епископъ.

Объ этихъ дняхъ не забыли, хотя и прошли съ тѣхъ поръ многія сотни лѣтъ. Не забыли, потому что то, что случилось, бываетъ и теперь.

Говорятъ, въ ночь подъ великій праздникъ стояли тогда у амвона двѣнадцать братьевъ, и тысячная толпа христіанъ не знала, кто изъ нихъ прекраснѣй. Такъ красивы и стройны были всѣ двѣнадцать, такою доблестью и отвагою дышали ихъ лица. И свѣтомъ чистой совѣсти.

Ибо исполненный долгъ даетъ ее людямъ, а братья построили храмъ Предтечѣ, какъ обѣщали матери.

— Помяни, Господи, душу ея въ царствѣ свѣта.

И епископъ, наклоняясь надъ престоломъ, поминалъ имя матери и не поминалъ двухъ другихъ: не былъ христіаниномъ отецъ, а имя безумной сестры не вѣщалось въ храмѣ.

Но скорбѣлъ о томъ престолослужитель и шепталъ трижды святую молитву, когда доносился жалобный стонъ отъ окна алтарной абсиды.

Сливался тотъ стонъ съ голосомъ декабрьскаго шторма, и было не по себѣ многимъ. Взвизгивалъ ураганъ, чтобы заглушить стенанья мятущейся души, и вздрагивали бровью братья отъ боли и гнѣва.

Казалось, съ порывомъ бури проникалъ въ храмъ туманный образъ

сестры, въ струйкахъ кадильнаго дыма вился по колоннамъ и, не доходя до престола, угасалъ въ мерцаньи догорающихъ лампадъ.

Чтобы облегчить сердце, братья думали о чистой душѣ матери, о свѣтломъ часѣ ея кончины.

Съ свѣтильникомъ въ рукѣ, прежде чѣмъ проститься съ земнымъ, завѣщала она дѣтямъ поднять надъ Пантикапеей крестъ.

— Во имя Крестителя.

И поклялись они сдѣлать такъ, и пока не воздвигнутъ храма, забыть радости жизни и счастье ликующихъ грезъ.

Двѣнадцать братьевъ и сестра, чище которой не было въ мірѣ лиліи.

Нужны были годы вѣры и труда, чтобы исполнить обѣтъ. Съ именемъ Христа, камень за камнемъ, братья воздвигали стѣны. А сестра приносила имъ пищу, омывала раны и нѣжной заботой своей отражала душу матери.

Но на Митридатовой горѣ жилъ старый жрецъ, ненавидѣвшій христіанъ, и сынъ его, начальникъ Горной части, былъ послѣдователемъ отца.

Онъ былъ красивъ, точно самъ Аполлонъ вдохнулъ въ него часть своей красоты, и смѣлый взоръ его проникалъ въ сердце женщины.

Оттого братья боялись, чтобы не увидѣлъ онъ сестры, чище которой не было лиліи, какъ думали они.

Подходила работа къ концу, становилось радостнѣе на душѣ у братьевъ, и только скорбная тѣнь на лицѣ дѣвушки печалила ихъ.

— Все груститъ по матери.

Не знали, что случилось.

Въ лѣтнюю ночь, когда морской заливъ горѣлъ въ брилліантахъ отраженій, сидѣла она на ступеняхъ Босфорскаго схода, глядѣла въ глубокое небо и говорила съ звѣздой.

— Гдѣ ты, мама?

И вздрогнула въ испугѣ и въ смущеніи, когда красавецъ юноша коснулся ея плеча.

Его длинныя кудри падали черными кольцами, и одно изъ нихъ коснулось ея лица. Коснувшись, обвѣяло чувствомъ жгучей ласки.

— Кто ты, зачѣмъ ты здѣсь?

Не отвѣтилъ на это юноша, или не поняла она его. Шопотъ страсти, какъ туманъ, застилаетъ глаза; отъ него, какъ отъ сладкаго яда, замираетъ сердце.

— Уйди, я чужая тебѣ.

И дѣвушка вырвалась изъ его объятій.

Не сказала ничего на другой день братьямъ, только перестала ходить въ лѣтнюю ночь на ступени Босфорскаго схода, чтобы не встрѣтить больше дерзкаго.

Она ненавидѣла его и вспоминала его рѣчь, боясь позабыть хоть слово.

— Ты будешь моя, говорилъ онъ, и билось сердце отъ голоса власти.

— Оставь свою печаль, убѣждали братья, скоро поднимемъ крестъ; уже радуется свѣтлый духъ матери.

И отъ этихъ словъ еще тяжелѣй становилось на душѣ дѣвушки. Точно кто подломилъ цвѣтокъ, а люди, не замѣчая, говорили о жизни.

Часто не помнила она себя, и когда падалъ въ окно лунный свѣтъ, какъ блѣдный призракъ, тянулась къ нему. Былъ ли то сонъ, но казалось ей, что чернокудрый юноша опять обнимаетъ ее, жжетъ огнемъ холодныя уста, прижимаетъ къ себѣ, и оттого пустѣетъ сердце. И кто-то другой сталъ жить въ ней. И, думая объ этомъ, она не думала уже ни о чемъ больше.

Не спѣшила къ братьямъ, позабыла для нихъ слово ласки. И разъ совсѣмъ не пришла.

Удивились братья.

— Что могло помѣшать?

И, когда спустились сумерки, поспѣшили домой.

Было смутно на душѣ; какъ разсвѣтъ дня передъ казнью, коснулся ужасъ предчувствія.

Уже открылись землѣ свѣты ночи, когда братья подошли къ дому.

— Отчего не пришла накормить насъ? спросилъ старшій братъ, увидѣвъ сестру на порогѣ.

Молчала дѣвушка, безъ слезъ плакали глаза.

— Отчего не пришла?

Хотѣла отвѣтить, но мертвеннымъ шопотомъ шевелились уста.

Въ саду звякнулъ мечъ. Оглянулись туда.

Стройный юноша, у котораго змѣйками сбѣгали по плечамъ кольца черныхъ волосъ, укрылся въ тѣни платана.

— Сынъ жреца!

Тогда бросился къ дѣвушкѣ старшій братъ.

— Это онъ?

Словно упавшая одежда, беззвучно опустилась передъ нимъ дѣвушка.

— Анаѳема есто си!

И взмахомъ ноги онъ откинулъ ее далеко за порогъ.

Пролетѣлъ въ это время пыльный вихрь, подхватилъ лишнюю песчинку и унесъ къ морскому заливу.

Въ тотъ день, когда подняли надъ храмомъ крестъ, на церковной площади собрались всѣ христіане города, а вдали отъ нихъ стояла кучка нехристіанъ, но не было среди нихъ сына жреца. Онъ навсегда ушелъ изъ города.

А вечеромъ, когда луна посеребрила поднятый крестъ, отъ залива надвинулся бѣлый туманъ, хотѣлъ коснуться креста, и унесся въ морскую даль.

Можетъ быть, то не былъ туманъ, а поднималась изъ пучины несчастная душа.

И когда, подъ великій праздникъ, въ храмѣ служилъ впервые епископъ, это она носилась въ вихрѣ урагана вокругъ храма.

Прошло немного времени послѣ того, и на городъ напалъ отрядъ варваровъ.

Пантикапейцы храбро защищали свой городъ, и не мало юношей погибло у его стѣнъ. Погибли и двѣнадцать братьевъ строителей.

Ихъ похоронили въ общей могилѣ у храма и на память вѣкамъ прикрыли могилу плитой.

— Куфи автис іе и ги. Миръ имъ.

Миръ не сошелъ на могилу. Въ ночь подъ великій праздникъ прилетаетъ туда тѣнь сестры, бѣлымъ колеблющимся свѣтомъ приникаетъ къ изголовью могилы, которая уже не видна людямъ, и тогда плачетъ кто-то въ церковной оградѣ голосомъ безысходной тоски.

Но не вѣритъ народъ въ безысходность горя.

Есть слухъ, что долженъ вернуться юноша съ кольцами черныхъ волосъ.

Не тотъ, что загубилъ несчастную. Другой, сердце котораго поетъ свѣтлый канонъ. Онъ придетъ къ могилѣ, въ ночь подъ великій праздникъ, подниметъ тяжелую могильную плиту, чтобы мятущаяся тѣнь могла слиться съ тѣнью братьевъ.

Какъ никогда, сами собой зазвучатъ въ ту ночь колокола стараго храма.

И разнесутъ по землѣ мелодію мира и любви.

МЫСЪ ИЛЬИ.

(Ѳеодосійская легенда).

Чѣмъ ближе къ Ильину дню, тѣмъ ниже нависаютъ облака, душнѣе становится воздухъ и чаще ночныя грозы.

А въ Ильинъ день затемнятся облака, забѣгаютъ змѣи молній и трескомъ громовыхъ раскатовъ напомнитъ о себѣ пророкъ.

Бѣда попасть тогда въ море. Хорошо, если только сорветъ снасти. Иной разъ закружитъ судно, швырнетъ на скалу и щепками выброситъ у мыса Ильи.

Помолись, морякъ, на церковь пророка—не случилось-бы несчастья.

А видна та церковь съ большой дали, хотя и не велика она. Такая, какія строили въ давнія времена.

Въ тѣ времена, когда вѣрили въ Верхнюю силу и знали свою слабость передъ Нею. Хотя и были смѣлы, пожалуй, смѣлѣй, чѣмъ теперь.

Не выдумали люди, что Илья, сынъ Тамары, построившій церковь, въ открытое море ходилъ на дощанкѣ.

А когда сталъ богатымъ и завелъ свой корабль, въ самую страшную бурю не боялся оставить гавань и въ декабрьскій штормъ поднималъ паруса.

Но разъ случилось выйти подъ пророка Илью. Освирѣпѣло въ тотъ день море, озлились небеса и попрятались люди въ жилища. А Илья Тамара поднялъ сразу флакосъ и тринесту и бѣлой чайкой унесся въ волну.

Кто рискнулъ-бы сдѣлать это теперь? Развѣ сумасшедшій.

Далеко ушелъ Тамара въ море, не стало видно береговъ. Не зналъ онъ опасности и не вѣрилъ въ рыбачью сказку объ Ильѣ.

— И молнія, и громъ отъ облаковъ.

И когда подумалъ такъ, накатился на судно валъ выше мачты на много мѣръ.

— Васта темони, клади руль, крикнулъ Тамара рулевому, но оторвался руль, и понеслось судно по волѣ вѣтра къ береговой скалѣ.

Понялъ Илья, что близка гибель, и въ испуганной душѣ шевельнулось сомнѣніе, не караетъ-ли его пророкъ за невѣрье.

И въ ту-же минуту пронесся съ сѣвера на югъ громовой раскатъ, и надъ мысомъ, гдѣ теперь церковь Ильи, въ пламени и тысячахъ искръ опустилась огненная колесница.

— Илья! воскликнулъ Тамара, и подумалъ въ душѣ:—На томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ его, построю ему церковь, хотя-бы пришлось для того продать корабль.

— Матим бистин, своей вѣрой клянусь въ томъ.

Не успѣла остыть эта мысль, какъ примолкла гроза и вѣтеръ съ берега погналъ волну въ море, а съ нею и Тамаринъ корабль.

— Васта темони, прозвучалъ надъ Тамарой чей-то грозный голосъ— и увидѣлъ себя Тамара стоящимъ у руля, который, подплывъ къ судну, сталъ на свое мѣсто.

Къ вечеру достигъ Тамара Сугдеи, сдалъ товаръ и, нагрузившись новымъ, вернулся въ Кафу.

Не разсказалъ, однако, никому о случившемся, пожалѣлъ продать корабль и рѣшилъ заработать прежде больше денегъ и тогда построить храмъ.

Сначала рѣшилъ такъ, но вскорѣ передумалъ.

— Не можетъ быть, чтобы все это случилось. Просто приснилось. Колокитья!

И, успокаивая себя такъ, онъ со временемъ забылъ о своей клятвѣ.

Все шло хорошо; за десятки лѣтъ ни одинъ изъ кораблей его не потерпѣлъ крушенія, и Илья Тамара сталъ богатѣйшимъ купцомъ Кафы.

Однако, въ душѣ, помимо воли, жило что-то, что напоминало о случаѣ въ молодыхъ годахъ. Не любилъ Тамара смотрѣть на гору, гдѣ было ему видѣніе, и избѣгалъ выходить въ море подъ Ильинъ день.

Но однажды, незадолго до этого дня, пришлось ему возвращаться отъ Амастридскихъ береговъ.

— Да будетъ благословенно имя Георгія, патрона той страны!

Попутный вѣтеръ рѣзко несъ корабль и вдали стали уже синѣть Таврскія горы.

И вдругъ сразу стихъ вѣтеръ, точно смело его съ моря, и корабль попалъ въ мертвый штиль.

Больше всего боятся его моряки, но наступалъ Ильинъ день, когда по всему Понту носится вѣтеръ, и Тамара спокойно лежалъ на кормѣ.

Онъ подсчитывалъ барыши и, кончивъ подсчеты, улыбнулся торговой удачѣ.

— Не нужно быть знатнымъ, не нужно быть ученымъ, чтобы хорошо жить. Нужно только быть умнѣе другихъ, чтобы пользоваться ихъ глупостью. Алю пулунде грамата, алю полите гносис!

— Скверная мысль, сказалъ кто-то въ душѣ его,—и вздрогнулъ Тамара.

Поднялся съ ложа, посмотрѣлъ на берегъ. Оттуда медленно надвигались тучи, и зарница сверкала зловѣщимъ глазомъ.

Побѣжала по морю предвѣтренная рябь, за нею береговикъ погналъ волну.

Корабль поднялъ всѣ паруса и взялъ носъ на востокъ, гдѣ была Кафа, но, попавъ въ странное теченіе, не могъ далеко уйти.

А вѣтеръ быстро крѣпчалъ, недобрымъ шумомъ гудѣло море, воздухъ шипѣлъ и свисталъ, завывая.

Не выдержала порыва главная мачта и обломилась.

— Плохо дѣло!

И въ послѣднемъ сумеречномъ свѣтѣ увидѣли гору, гдѣ когда-то случилось видѣніе.

Вспомнилъ о немъ Тамара и смутился духомъ. Настала темь, нельзя было видѣть своей руки; ливень заливалъ потоками палубу; волна

била черезъ борта и въ трюмахъ показалась течь. Истрепались въ клочья штормовые паруса; не слушался корабль руля, какъ гнилая нитка, оборвалась якорная цѣпь, когда нагнало корабль къ берегамъ и попытались бросить якорь.

— Одно чудо можетъ спасти!

И молили люди о чудѣ; умоляли Илью смягчить гнѣвъ; обѣщали весь первый уловъ отдать на свѣчу ему.

А Тамара упалъ на колѣни и въ сердцѣ своемъ поклялся исполнить, что обѣщалъ когда-то въ своей юности.

Огненная молнія разсѣкла небо, опалила воздухъ, озарила корабль и скалы, среди которыхъ онъ носился; въ послѣднемъ зигзагѣ скользнула по мачтѣ и загорѣлась сіяніемъ впереди судна.

Кто-то грозный и гнѣвный поднялъ надъ кораблемъ руку. Сверкалъ молніями его взглядъ; въ бѣшеномъ порывѣ рвалась борода; готовы были открыться уста для гибельнаго слова.

— Элейсонъ имáс, Киріе! Помилуй насъ!

Опустилась рука проклятія и указала погибавшимъ путь спастись.

Въ сторонѣ зажглись кафскіе огни и.... потухло сіяніе.

Какъ убитые, заснули дома корабельные. Не заснулъ только старикъ Тамара. Стоялъ у городского храма и шепталъ слова тропаря:

– Почитающихъ тебя, Илья, исцѣли.

Стоялъ всю ночь и утромъ нашли его тамъ-же. Не узнали его, такъ измѣнился онъ. Покоемъ величія дышало лицо и близостью Неба свѣтились глаза.

И когда черезъ годъ иконный мастеръ писалъ образъ пророка Ильи для новаго храма, который построилъ на горѣ Тамара, это съ него онъ списалъ ликъ пророка.

Оттого не видно гнѣва въ пророческихъ глазахъ и нѣтъ страха, когда смотришь на икону.

Умеръ Тамара большимъ старикомъ и подъ конецъ дней избѣгалъ говорить о пережитомъ, но люди читали объ этомъ въ чистомъ взорѣ его.

Ибо взоръ души человѣческой проникаетъ часто глубже, чѣмъ подсказываетъ рѣчь.

МАМАЕВА МОГИЛА.

(Старокрымская легенда).

Вмѣстѣ съ стужей несетъ сѣверный вѣтеръ снѣжный буранъ и окутываетъ бѣлымъ покровомъ старокрымскія всхолмья и поляны.

На лунномъ свѣтѣ играетъ искрами Мамаевъ курганъ, точно кто шевелится на его вершинѣ; а когда закружитъ снѣжный вихрь, кажется, будто поднимается большой бѣлый медвѣдь.

Съ полночи завоетъ вьюга и начнетъ медвѣдь свой бурливый ревъ; а какъ только первый свѣтъ различитъ бѣлую нить отъ черной, уйдетъ уваломъ съ Мамаева кургана.

И тогда изъ нѣдръ могильнаго холма слышно ржаніе коней и скрежетъ зубовъ и голосъ проклятій.

У подножія Мамаева кургана закрыта отъ вѣтра могила „азиса", могила святого, того дервиша, который приходилъ къ Мамаю въ началѣ и концѣ его дней.

Въ началѣ, когда поднималась слава шахи-хана. Въ концѣ, когда закатилась его звѣзда.

Былъ день и была ночь. И исполнилось то, что должно было быть.

Въ золотомъ шатрѣ, въ кашемировомъ халатѣ, усѣянномъ огнемъ

бриллiантовъ, сидѣлъ Мамай, когда увидѣлъ его дервишъ въ первый разъ въ далекой сѣверной степи.

Гордый своимъ гнѣвомъ шахи-ханъ отвернулся отъ улемовъ и мурзъ, которые склонились передъ нимъ въ трепетѣ страха.

А дервишъ, въ отрепьяхъ, шелъ на востокъ поклониться священной Каабѣ.

Замѣтилъ его Мамай и приказалъ позвать.

— Ты исходилъ мiръ. Скажи, какъ великъ онъ, и много-ли времени надо, чтобы покорить его?

— Мiръ безпредѣленъ, отвѣчалъ дервишъ, — и безпредѣльно людское желанiе, но могуществу самаго сильнаго человѣка есть предѣлъ.

Усмѣхнулся Мамай.

— Кажется, ты не знаешь, съ кѣмъ говоришь?

Но дервишь не смутился.

— Даже великiй повелитель—все же человѣкъ, ничтожный передъ Аллахомъ.

— Аллахъ на небѣ, разсердился Мамай, — и не вмѣшивается въ земныя дѣла. Оставь свои сказки для глупыхъ людей.

Покачалъ дервишъ головой.

— Жалко мнѣ тебя.

Слишкомъ дерзокъ былъ отвѣтъ, и сверкнулъ шахи-ханъ гнѣвомъ.

— Чтобы ты мнѣ больше не показывался на глаза. Иначе куски твоего тѣла я брошу на кормъ медвѣдямъ.

Поклонился дервишъ Мамаю.

— Буду помнить твои слова. Не забудь и ты.

И ушелъ.

Много странъ исходилъ послѣ этого дервишъ, много дней провелъ въ пути. Достигъ духомъ высокихъ ступеней и забылъ немощи тѣла.

Научился ничѣмъ не дорожить, и оттого, казалось, сталъ богатымъ, не боялся сильныхъ и сдѣлался тѣмъ сильнѣе ихъ.

И жалѣлъ Мамая, хотѣвшаго покорить мiръ.

Доходили о немъ слухи. Мамаевы войны — какъ рѣка; не сдержать ничѣмъ рѣки. И люди передъ Мамаемъ—какъ листья, которымъ пришла пора упасть.

— Забылъ Мамай, что смертенъ, какъ всѣ, думалъ дервишъ.

И не удивился, когда узналъ, что погибло войско его и только съ немногими спасся онъ въ южныя степи.

— Если убьютъ — мiръ не одѣнетъ печальныхъ одеждъ, никто не раздеретъ ворота у кафтана.

Но не насталъ еще часъ. Мамаю улыбнулось лицо Аллаха и успѣлъ онъ уйти въ предѣлы Кафы. Тамъ ему обѣщали прiютъ.

Когда пришелъ туда дервишъ, на базарахъ и площадяхъ говорили о Мамаѣ и богатствахъ его, сокрытыхъ въ Шахъ-Мамаѣ въ подземельяхъ ханской ставки.

Будто долго Мамаевы рабы носили туда сундуки съ сокровищами и оружiемъ, и когда засыпали входъ, ханъ приказалъ умертвить ихъ, чтобы никто не зналъ, гдѣ зарыты его богатства.

А по ночамъ къ воротамъ Кафы подходили Мамаевы люди, чтобы посмотрѣть, бодрствуетъ-ли стража, и въ народѣ говорили, будто задумалъ Мамай завладѣть Кафой.

И въ самую темную ночь, когда снѣжная буря загнала всѣхъ въ жилища, у крѣпостной стѣны жалобно прокричала сова. И когда дважды повторился ея крикъ—Мамаевы люди бросились къ стѣнамъ крѣпости.

Но не спала крѣпостная стража и истребила всѣхъ нападавшихъ; всѣхъ, кромѣ одного, который кричалъ совой передъ нападеніемъ.

Избѣгъ Мамай смерти и скрылся въ тайникѣ водохранилищъ.

И когда, озябшій и голодный, онъ дрожалъ отъ страха смерти, кто-то пошевелился вблизи.

Окликнулъ Мамай и узналъ голосъ дервиша и молилъ спасти его.

— Ты вѣрно забылъ, что запретилъ мнѣ являться на глаза тебѣ, сказалъ дервишъ, вспомнивъ золотой шатеръ и гнѣвъ шахи-хана, и склоненныхъ передъ нимъ улемовъ и мурзъ.

Содрогнулось отъ униженія сердце Мамая, но, пересиливъ себя, онъ отвѣтилъ:

— Тогда тебѣ говорилъ повелитель, а теперь проситъ иззябшій, голодный человѣкъ.

И исполнилъ дервишъ, о чемъ просилъ его Мамай, — вывелъ за городъ по канавѣ для стока горныхъ водъ.

Еще не наступилъ разсвѣтъ, когда подошли къ дорогѣ на ханскую ставку.

Чудилась Мамаю погоня за нимъ, говорилъ онъ дервишу:

— Ускорь шаги, слышны голоса. Догонятъ—убьютъ.

Но вѣтеръ донесъ изъ деревни предутренній крикъ пѣтуха, и дервишъ остановился, чтобы совершить намазъ.

— Нашелъ время молиться, — закричалъ на него Мамай, и хотѣлъ идти дальше одинъ, но не зналъ хорошо дороги и боялся заблудиться.

Взглянулъ на него дервишъ. На раннемъ утреннемъ свѣтѣ казалось мертвеннымъ лицо Мамая, и пожалѣлъ онъ его.

— Моли пророка послать миръ твоей душѣ.

И дервишъ говорилъ о томъ, какъ непрочно величіе людей и какъ безумно стремленіе къ нему.

И словами своими сталъ онъ ненавистенъ Мамаю, и не могъ Мамай терпѣть больше униженія передъ нимъ.

— Глупый рабъ, я вырвалъ-бы твой языкъ, если бы было время.

И, выхвативъ ножъ, онъ всадилъ его въ горло дервиша, а чтобы не узнала его погоня, сорвалъ съ убитаго одежду и надѣлъ ее на себя.

А съ бугра неслось нѣсколько всадниковъ, и передовой, замѣтивъ бѣгущаго въ отрепьяхъ человѣка, принялъ его за бѣглаго раба. И когда бѣжавшій не остановился на его окрикъ, онъ размозжилъ ему палицей голову.

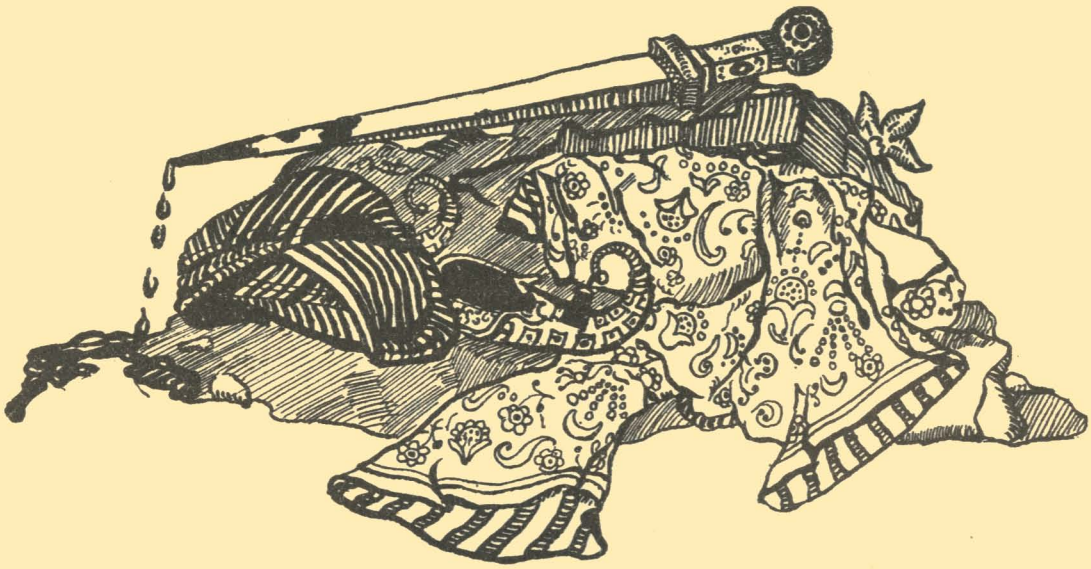
А на утро шахмамайцы нашли оба трупа, одинъ вблизи другого, и похоронили ихъ тамъ, гдѣ нашли.

Но, проникнутые покорностью къ повелителю, насыпали надъ нимъ высокій курганъ, чтобы люди не могли потревожить царскаго праха.

И сохранился Мамаевъ курганъ до нашихъ дней, а рядомъ съ нимъ — могила азиса.

Въ зимнюю непогодь, когда сѣверный вѣтеръ нагонитъ снѣжный буранъ, лучше не ходите мимо кургана.

Можетъ напугать злой медвѣжій ревъ и похолодѣетъ сердце отъ Мамаева стона.



— Ребенка подъ мостъ—и концы въ воду. Чего, дура, робѣешь.

И пришло время родить. Мучилась, мучилась солдатка и родила дочечку.

Бѣленькую, не на цыгана, на солдата похожую.

— Не моя дочь,—вѣрно, съ кѣмъ сблудила.

Толкнулъ женщину ногой и унесъ дѣвочку къ мосту; привязалъ къ ней камень и швырнулъ въ мѣсто поглубже.

И ударили въ это время въ ночной пасхальный колоколъ.

Вскрикнуло дитя и замолкло.

— Куда ты дѣвалъ дѣвочку, допытывалась солдатка. — Хоть бы покрестили ее, нехристь ты этакій!

— Покрестилъ самъ ее, хохоталъ злѣе прежняго цыганъ.

Недолго пожила солдатка и померла; все хотѣла позвать свою дочечку, но не знала, какъ позвать, потому что не было у нея христіанскаго имени.

Прошло много лѣтъ. Изъ молодого цыганъ старымъ сталъ, и такимъ непріятнымъ, что не дай Богъ на ночь встрѣтиться. Не заснешь потомъ.

262345

Въ народѣ дурно говорили о немъ. Было много обидъ всякихъ. И одинъ парень не стерпѣлъ, хватилъ его молотомъ по головѣ и разлетѣлись мозги, какъ искры отъ наковальни.

А вскорѣ развалилась и цыганская кузня.

Державна премія Трудового Червоного Прапора
Республіканська бібліотека
УРСР ім. К. Маркса
-3-

Судили парня и засадили въ острогъ. Но въ ночь подъ Пасху зазѣвался надзиратель, и убѣжалъ парень изъ острога.

Убѣжалъ и спрятался подъ мостъ.

Искали—не нашли.

— Убѣжалъ, видно, въ горы.

Лежитъ парень подъ мостомъ и слышитъ, какъ ударилъ пасхальный колоколъ.

Перекрестился парень.

— Христосъ воскресе!

И почудилось ему, будто изъ тины за мостомъ кто то отвѣтилъ:

— Во истину.

Примолкнулъ парень, боялся шевельнуться. Стихнулъ вѣтеръ, выглянула изъ за тучъ луна, освѣтила мѣстность.

И увидѣлъ парень, какъ вмѣстѣ съ туманомъ поднялась отъ ручья дѣвушка въ бѣломъ и потянулась къ нему.

— Кузнецова дочь я, имени нѣтъ у меня, потому что некрещенной бросили. Мучусь я. Похристосуйся со мной, и помру я тогда христіанкой. Такъ сказано мнѣ.

Поднялись у парня волосы дыбомъ, и бросился онъ бѣжать отъ моста. И сколько времени бѣжалъ — не помнилъ, и куда бѣжалъ — не соображалъ.

Очнулся въ острожной больницѣ, разсказалъ все, что случилось съ нимъ. Только никто не повѣрилъ, а за побѣгъ дали ему сто плетей.

Однако, хоть не повѣрили, все же стали говорить одинъ другому о некрещенной дочери солдатской, и подъ слѣдующую Пасху никто не пошелъ черезъ мостъ.

Разговѣлся острожный надзиратель и сталъ хвастать, что пойдетъ на мостъ и ничего съ нимъ не случится.

И пошелъ.

Идетъ, а у самого сердце бьется. Кто шелъ позади — поотсталъ, а впереди собака воетъ, и пасхальный звонъ похороннымъ кажется.

Сталъ подходить къ мосту: не мостъ, а снѣжная бѣлизна.

Присмотрѣлся и видитъ — красавица стоитъ, волосы длинные распущены.

Стоитъ въ одной рубахѣ, дрожитъ, руки впередъ простираетъ.

— Пошли, говоритъ, ко мнѣ такого, чтобы еще ни съ кѣмъ не похристосовался. Похристосуется со мной, помру христіанкой, и мать на мѣсто въ гробу ляжетъ.

Не слушалъ дальше надзиратель, убѣжалъ къ себѣ въ острогъ и со страха заперъ самъ себя въ одиночную.

И съ тѣхъ поръ стало всѣмъ извѣстно, что каждый годъ въ пасхальную

полночь ищетъ дѣвушка у моста, чтобы кто нибудь похристосовался съ нею, съ первой. И не можетъ найти такого храбраго, чтобы не побоялся спасти ее, хотя бы пришлось самому умереть.

Застроился городъ; кругомъ моста стали дома. Живутъ въ нихъ новые люди и не знаютъ, что случилось нѣкогда у моста.

Только одна старуха помнитъ, какъ разсказывала ей о несчастной солдатской дочкѣ бабка ея и будто бы, разсказывая, добавляла:

— Все же дождалась несчастненькая. Вернулась съ чужбины душа солдатская, возвратился старый солдатъ взглянуть на свои мѣста. Подъ Пасху, въ самую полночь вступилъ онъ на мостъ.

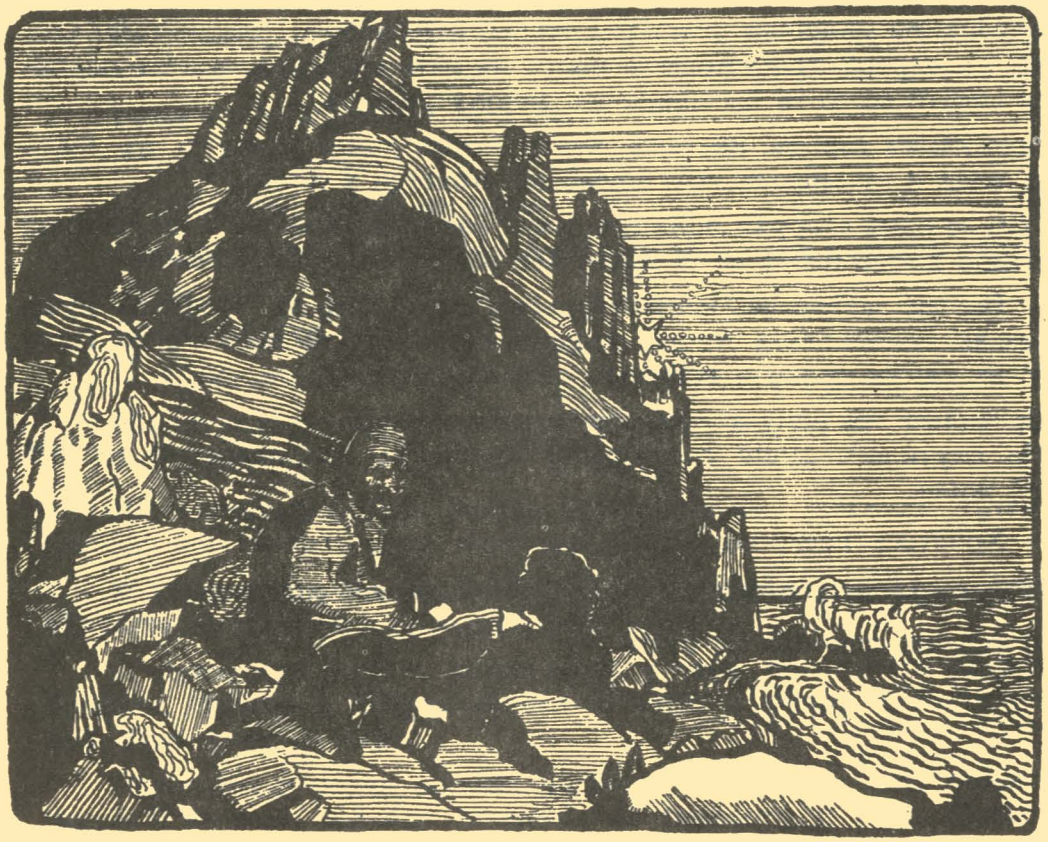
Бросилась къ нему дѣвушка и разсказала все.

Не смутилась душа солдатская. Храбрость съ жалостью въ ней вмѣстѣ жила.

— Христосъ воскресе!

И трижды похристосовался солдатъ съ дочкой солдатской.

И успокоились оба на вѣки.



КАРАДАГСКІЙ ЗВОНЪ

(Отузская легенда).

Капитани Яни лежитъ у костра, смотритъ на гору.

— Какъ камбала, капитани Яни?

— А, чатра-патра... Плохо, неплохо! Куда идешь?

— Въ Карадагъ. Тамъ, говорятъ, въ сегодняшнюю ночь слышенъ звонъ.

— Энасъ нэ аллосъ охи. Одинъ слышитъ, другой—нѣтъ.

— Откуда звонъ? Изъ Кизильташа?

Капитани Яни отворачивается, что-то шепчетъ.

— Оттуда,—показываетъ онъ на море. Можетъ быть, даже изъ Стамбула.

Мы нѣкоторое время молчимъ, и я смотрю на Карадагъ.

Отвѣсными спадами и пропастями надвинулся Карадагъ на берегъ моря, точно хотѣлъ задавить его своею громадой и засыпать тысячью подводныхъ скалъ и камней.

Какъ разъяренная, бросается волна къ подножью горнаго великана,

бѣлой пѣной вздымается на прибрежныя скалы и въ безсиліи проникнуть въ жилище земли сбѣгаетъ въ морскія пучины.

Капитани Яни подбрасываетъ въ костеръ сушняку и крутитъ папироску.

Я ложусь на песокъ рядомъ съ нимъ.

— А ты самъ слышалъ?

— Когда слышалъ, когда нѣтъ.

Темнѣетъ. Черной дымкой подернулся Отузскій заливъ; черной мантіей укрываетъ Карадагъ глубины своихъ пропастей.

Капитани Яни медленно говоритъ, вставляя въ рѣчь греческія слова, и я слушаю подъ шумъ прибоя разсказъ стараго рыбака.

Слушаю о томъ, какъ подъ Карадагомъ былъ нѣкогда городъ, и въ заливъ входили большіе корабли изъ далекихъ странъ.

— Хроня, хроня! Какъ бѣжитъ время.

И, какъ тамъ, гдѣ ползетъ желтый шиповникъ, былъ прежде монастырь.

Бѣдный монастырь; такой бѣдный, что не на что было купить колоколовъ.

— Какомири! Какомири! Бѣдняки были.

Тогда въ Судакѣ жилъ Стефанъ.

— Агіос Стефанос.

И просили монахи святого Стефана помочь имъ, но былъ бѣденъ Стефанъ и не могъ помочь.

Былъ бѣденъ, но смѣлъ, не боялся сказать правду даже знатнымъ и богатымъ.

Не любили его за это царь и правители и вызвали на судъ въ ис тин Полин, въ Стамбулъ.

Въ самую пасхальную ночь увозили его на кораблѣ. Плылъ корабль мимо Карадага, и вспомнилъ святой монаховъ. Вспомнилъ и сталъ благословлять монастырь.

А въ монастырь къ заутрени прибылъ изъ города Анастас астимос, Анастасъ правитель.

Знали и боялись Анастаса на сто верстъ кругомъ.

— Фоверос антропос! Никому не давалъ пощады.

Въ тѣ времена въ странѣ былъ обычай—кто подъ Пасху оставался въ тюрьмѣ—того отпускали на свободу.

Не хотѣлъ Анастасъ исполнить обычай, велѣлъ потуже набить колодки заключеннымъ.

— Ти антропос! Вотъ былъ человѣкъ!

Узналъ объ этомъ игуменъ и не велѣлъ начинать службы.

— Ти трехи? Въ чемъ дѣло, спрашивалъ Анастасъ монаховъ.

Боялись монахи сказать, но все-же сказали.

— Охъ, строгій игуменъ. Не начнетъ,—если сказалъ. Отпусти людей изъ тюрьмы.

Вскипѣлъ гнѣвомъ Анастасъ, схватился за мечъ.

— Нейдетъ въ церковь, такъ самъ пойду за нимъ.

Выше церкви было кладбище. Еще теперь можно найти могилы.

Только подошелъ астимосъ къ кладбищу—зашевелились могильныя плиты.

Отшатнулся Анастасъ, опустилъ мечъ; отнялись у него ноги; не могъ идти дальше.

— Анастаси каме! Анастасъ, сдѣлай — сказалъ чей-то голосъ.

Можетъ быть, было не такъ, но такъ говорятъ.

— Піос ксéври! Кто знаетъ!

Подошелъ къ Анастасу игуменъ, упалъ предъ нимъ Анастасъ, обѣщалъ сдѣлать по обычаю.

Открылъ игуменъ церковную дверь и запѣли монахи.

— Христос анести ек некрон.

Дошелъ голосъ ихъ до Стефана и отвѣтилъ онъ:

— Алиѳос анести. Воистину воскресе!

Но не услышали монахи, а по молитвѣ святого донесся до нихъ откуда-то перезвонъ колоколовъ.

— Тавма! Чудо случилось, и объяснилъ игуменъ людямъ это чудо.

Съ тѣхъ поръ, сколько ни прошло лѣтъ, всегда въ ночь на Пасху слышенъ въ Карадагѣ Стефановъ звонъ.

Точно издалека приходитъ, точно въ даль уходитъ.

Догорѣлъ костеръ; замолчалъ старый рыбакъ.

Должно быть, пришла полночь. Сейчасъ зазвонятъ. Прислушался капитани Яни.

— Акусъ?—ты слышишь?

И мнѣ показалось, что слышу.

ЯЛЫБОГАЗСКІЙ КАМЕНЬ

(Отузская легенда).

Донеслась изъ ущелья дѣвичья пѣсня, высокой нотой прорѣзала воздухъ, на мгновенье оборвалась и тутъ же, подхваченная многими голосами, развернулась по долинѣ.

Это дѣвушки спѣшатъ домой, покончивъ съ укладкой винограда; спѣшатъ, точно быстро набѣгающія сумерки подгоняютъ ихъ.

И пугливо оглядываются на заколоченный домъ, о которомъ разсказываютъ въ народѣ страшное. Одинокій домъ въ самомъ горлѣ ущелья, гдѣ не помнятъ, чтобы кто нибудь жилъ.

Торопится пройти поскорѣе это мѣсто одна отставшая и, роняя изъ платка виноградную кисть, бѣгомъ догоняетъ подругъ.

Не бойся, милая дѣвушка, никто не тронетъ тебя; давно перестали пугать людей говорящіе духи Ялы-Богаза, — съ тѣхъ поръ, какъ съ приходомъ новыхъ людей позабылась старая сказка; и одноглазый великанъ, бросавшій глыбами скалъ въ проходящихъ по ущелью, не встанетъ изъ могилы.

Вмѣстѣ съ сѣрой скалой разбили эту могилу на мелкіе камни, чтобы свезти въ низину, гдѣ въ зеленыхъ садахъ бѣлѣютъ хорошенькіе домики.

Иди, дѣвушка, спокойно. Дома уже дымится въ каганкѣ ужинъ, вкусный ужинъ послѣ трудового дня. И если теплая ночь пересилитъ сонную усталь, ты прильнешь потомъ къ колѣнямъ бабушки Ирины, и разскажетъ тебѣ старуха сказку о великанѣ, о томъ самомъ, что жилъ когда то въ Ялы-Богазѣ.

Глядя на свѣтлыя звѣзды, ты не дослушаешь до конца. Изъ за высокихъ тополей покажется темный великанъ, блеснетъ горящимъ глазомъ, протянетъ къ тебѣ руки и, не доставъ дѣвичьей косы, уйдетъ въ туманы долины.

Вмѣстѣ съ ними потянется къ Ялы-Богазу, посмотрѣть, на мѣстѣ ли камень со слѣдами шести пальцевъ его руки.

Тверже камня и стали были они, какъ сила, которую онъ носилъ.

Изъ всѣхъ тополей самый высокій не достигалъ его плеча, и морская волна въ зимнюю бурю не могла заглушить его голоса.

Боялись великана люди и когда слышали его ревъ отъ Ялы-Богаза, спѣшили выгнать ему овцу или быка, чтобы успокоить гнѣвъ.

А вслѣдъ за спадомъ листа, въ наступающій мѣсяцъ свадебъ, хотѣлъ великанъ большей жертвы.

Тогда дрожали окна отъ его рева и потухалъ огонь въ очагѣ. Тогда напуганные люди выбирали одну изъ дѣвушекъ, уводили ее въ Ялы-Богазъ и оставляли связанной на высокой скалѣ, чтобы великанъ могъ легче взять ее.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше терпѣли отъ него люди, не зная, какъ избавиться

Но, чтобы уйти отъ бѣды, мало только терпѣть. Нашелся, кто подумалъ такъ. Нашелся смѣлый, какъ орелъ, который не боится людей, какъ бы высоко они ни поднялись.

— Препи на тон скотосо! Нужно убить.

Посмѣялись надъ нимъ въ деревнѣ.

— Онъ—какъ гора, а ты, какъ мышь передъ нимъ.

И, чтобы посмѣяться до конца, отправили его къ великану, въ мѣсяцъ свадебъ.

— Иди, если смѣлъ не на словахъ только.

Солнце зашло за Ечки-дагъ, и отъ Кара-дага показался всхожій мѣсяцъ, а юноша не дошелъ еще до Легенеръ-Кая, гдѣ ночевалъ великанъ.

Остановился онъ на одной изъ скалъ отдохнуть, оглянулся на долину.

Серебрились на мѣсяцѣ тополя, серебристой чешуей покрылось море. Стихъ вѣтеръ, смолкли голоса Ялы-Богаза, въ деревнѣ зажглись огни.

— Хорошо у насъ въ долинѣ, подумалъ юноша, — но лучше не жить, чѣмъ сносить гнѣвъ. Скоро нужна будетъ новая жертва; можетъ быть, отдадутъ мою Эльбисъ.

Вспомнилъ юноша свою Эльбисъ и запѣлъ любовную пѣсню.

— Любовь — это птичка весны;
Пришла ей пора прилетѣть,
Послали арабченка въ пустыню,
Послали узнать у гречанки,
Какъ ловится эта птичка весны.
Сказала старуха гречанка:
Глазами ловятъ птичку — любовь;
Глазами поймаешь — сама
Упадетъ потомъ на уста,
А съ устъ не замедлитъ, играясь,
Проникнуть и въ сердце.
Ха, ха.

— Проникнуть и въ сердце...

— Проникла уже, подумалъ юноша и услышалъ каменный голосъ:

— „Ха, ха“, поешь-пой, лучше пой, чтобы и со мной случилось такъ, какъ поешь.

Подумалъ юноша. Улыбнулся своей мысли, обѣщалъ помочь.

— Жди завтра. Приведу свою Эльбисъ.

И на завтра привелъ свою Эльбисъ, красавицу Эльбисъ, лучше которой не было въ деревнѣ.

Великанъ отдыхалъ у скалы и казался горой, которая шевелилась. Оттого дѣвушкѣ стало жутко.

Но, взглянувъ на юношу, она забыла страхъ.

— Посмотри — нравлюсь ли я тебѣ, крикнула дѣвушка. Если нравлюсь—открой пошире глазъ, и я пошлю тебѣ мою птичку любовь.

И открылъ свой единственный глазъ великанъ, и пустила дѣвушка въ него каменную стрѣлу съ отравой.

Взвылъ отъ боли великанъ, затрясся отъ воя его воздухъ, громовымъ перекатомъ понеслось по горамъ эхо. Хотѣлъ броситься къ дѣвушкѣ, но, ослѣпнувъ, оступился и сталъ кататься по землѣ; затряслась земля, и сама собой вырылась подъ нимъ въ скалѣ могила. И въ минуту послѣдняго гнѣва сталъ швырять онъ во всѣ стороны глыбами скалъ. И одна такая глыба упала въ Ялы-Богазѣ во дворъ заколоченнаго дома, гдѣ лежитъ и теперь со слѣдами шести пальцевъ руки великана.

Кончена сказка. Спитъ дѣвушка на колѣняхъ старухи, и гладитъ старуха дряхлой рукой ея шелковистые волосы.

Спи спокойно, милая, не бойся страховъ. Нѣтъ больше на свѣтѣ страшныхъ великановъ.

Только отчего такъ не спокоенъ твой сонъ, такъ высоко вздымается грудь и вздрагиваетъ юный дѣвичій станъ?

Или причудился во снѣ кто — другой, котораго боишься ты больше великана сказки, или та птичка, что поймали твои глаза, когда шла ты на работу, уже успѣла опуститься на твои уста и трепещетъ теперь въ твоемъ сердцѣ?

(Козская легенда).

Кетерлезъ омылъ лицо водой, посмотрѣлъ въ ручей.

— Сколько лѣтъ прошло, опять молодой. Какъ земля,—каждый годъ старой засыпаетъ, молодой просыпается.

Посмотрѣлъ вокругъ. Синимъ стало небо, зеленымъ лѣсъ; въ ручьѣ каждый камышекъ виденъ.

— Кажется, не опоздалъ, подумалъ Кетерлезъ и сталъ подниматься въ гору.

У горы паслась отара. Блеяли молодые барашки, къ себѣ звали Кетерлеза.

— Отчего въ этотъ день коней, воловъ не трогаютъ, не запрягаютъ, а насъ на шашлыкъ берутъ? остановились, спрашивая, овцы.

Подогналъ ихъ чабанъ:—Нечего даромъ стоять.

По тропинкѣ ползла змѣя.

— Кетерлезъ вѣрно близко, подумалъ пастухъ.

— Когда Кетерлезъ молодымъ былъ, съ коня змѣю копьемъ убилъ. Съ тѣхъ поръ, когда онъ идетъ, всегда змѣя отъ него убѣгаетъ.

Поднялъ чобанъ камень, чтобы убить змѣю. Крикнулъ ему Кетерлезъ:

— Лучше ложь въ себѣ убей, чѣмъ змѣю на дорогѣ.

Не коснулось слово сердца чабана, и убилъ онъ змѣю.

— Хорошо вышло, Кетерлезъ будетъ очень доволенъ.

Вздохнулъ Кетерлезъ; посмотрѣлъ внизъ.

Внизу, по садамъ, подъ деревьями, сидѣли люди, готовили на шашлыкъ молодого барашка.

— Ай, вкусный будетъ, когда придетъ Кетерлезъ, есть чѣмъ угостить.

— Можетъ быть прежде ходилъ, теперь больше не ходитъ, сказалъ одинъ.

Засмѣялся другой.

— Нашъ Хабибула крѣпко его ожидаетъ. Думаетъ, покажетъ ему ночью Кетерлезъ золото; богатымъ будетъ.

Сидѣлъ Хабибула на утесѣ, молчалъ.

— Отчего молчишь, Хабибула? Старымъ сталъ, прежде всегда хорошую пѣсню пѣлъ.

И запѣлъ Хабибула:

— Ждемъ тебя, Кетерлезъ ждемъ; прилети, Кетерлезъ, къ намъ сегодня; принесись на свѣтлыхъ струяхъ; заиграй музыка сердца. Чал, чал, чал!...

Прислушался Кетерлезъ, подумалъ:

— Вотъ золота ищетъ человѣкъ, а золото—каждое слово его.

Протянулъ руки къ солнцу. Брызнули на землю лучи. Сверкнулъ золотомъ мѣсяцъ на минаретѣ.

Пѣлъ Хабибула:.

— Золотой день пришелъ къ бѣдняку, — Кетерлезъ не обидитъ людей... Чал, чал, чал!...

Пѣлъ и вдругъ затихъ.

Не любитъ его Кэтыджэ, хоть говоритъ иногда, что любитъ. Нуженъ ей другой, нуженъ молодой, богатый нуженъ.

— Богатый—значитъ умный, говоритъ она.—Былъ первый мужъ богатъ—хочу, чтобы второй еще богаче былъ. Все сдѣлаю тогда, все будетъ въ рукахъ.

Смотритъ Хабибула впередъ, не видитъ—что близко; что далеко—видитъ, гдѣ другіе не видятъ. Ищетъ глазами Кетерлеза среди горъ и лѣса. Вѣритъ, что придетъ онъ. Обѣщаетъ поставить ему на старомъ камнѣ свѣчу изъ воска, балъ-муму.

Понялъ Кетерлезъ, чего хочетъ Хабибула, покачалъ головой.

— Тѣ, что пьютъ и ѣдятъ по садамъ, счастливѣе этого.

Пили и ѣли люди по садамъ, забыли о Хабибулѣ и Кетерлезѣ.

Не замѣтили, какъ пришла ночь. Зажегъ Хабибула на старомъ камнѣ свѣчу, ждетъ Кетерлеза.

Долго ждетъ.

Поднялась золотая луна; услышалъ шорохъ въ кустахъ; замѣтилъ, какъ шевельнулись вѣтки, какъ освѣтилъ ихъ дальній огонь.

— Ты хотѣлъ меня, сказалъ голосъ.—Вотъ я пришелъ. Знаю зачѣмъ звалъ. Молодымъ былъ, только пѣсню любилъ, старымъ сталъ—женщину хочешь. Для нея золото ищешь.

— Для нея, сказалъ самъ себѣ Хабибула.

— Слышишь, Хабибула, какъ шумитъ ручей, молодой ручей; какъ колышется трава, свѣжая трава. Только старый ты—не услышишь завтра.

— Слышишь, какъ твое сердце бьется, хочетъ поспѣть за другимъ, молодымъ. Не успѣетъ только.

— Имѣлъ въ себѣ золото ты, было легкимъ оно. Изъ земли захотѣлъ. А поднимешь?

Не слушалъ дальше Хабибула; бросился въ кусты, откуда былъ свѣтъ.

— Не опоздать бы.

Бѣжалъ къ свѣту по лѣсу, рвалъ о карагачъ одежду, изранилъ себя.

— Теперь близко. Слышалъ самъ голосъ Кетерлеза. Въ двухъ шагахъ всего.

И увидѣлъ Хабибула, какъ подъ однимъ, другимъ и третьимъ кустомъ загорѣлись въ огнѣ груды золота.

Подбѣжалъ къ нимъ; бралъ руками горящіе куски, спѣшилъ спрятать у себя на груди. Плакалъ отъ радости и страха, звалъ прекрасную Кэтыджэ.

Тяжело было нести. Подкашивались ноги, не помнилъ, какъ добрался до деревни.

Не было даже силъ постучать къ Кэтыджэ. Упалъ у порога.

— Кетерлезъ далъ много золота. Все твое. Принесъ тебѣ, моя чудная.

Шли тихо слова, не доходили до Кэтыджэ. Спала крѣпко она, обнявъ руками другого.

Не нуженъ ей больше Хабибула.

И умеръ Хабибула.

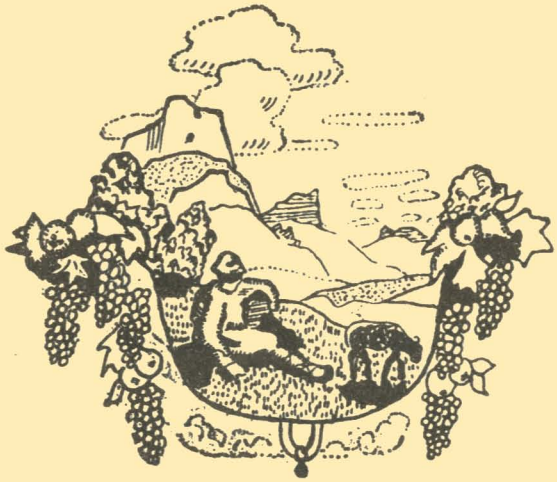
Хабибула — ӧльдю.

Можетъ быть, лучше, что умеръ, не взявъ въ руки прекраснаго.

Если бы взялъ, можетъ быть оно перестало бы быть такимъ. Кто знаетъ.

Уходилъ Кетерлезъ изъ тѣхъ мѣстъ, думалъ:

— Ушелъ съ земли Хабибула — пѣвецъ, ничего, придетъ на его мѣсто другой. Пройдетъ одно лѣто, придетъ другое. Оттого никогда не умретъ Кетерлезъ.



КАРАСЕВДА

(Таракташская легенда).

— Облако, если ты летишь на югъ, пролети надъ моей деревней, скажи Гюль-Беязъ, что скоро вернется домой Мустафа Чалашъ.

Пролетѣло облако, не стало видно за тюремной рѣшеткой.

Цѣлую ночь работаетъ Мустафа Чалашъ, чтобы разбить кандалы. Только „не тамъ ломится желѣзо, гдѣ его пилятъ".

— Демир егелеген ерден копалмаз.

Лучше не спѣши домой, Мустафа. Подкралась Карасевда, черная кошка и ходитъ близко отъ твоего дома.

Но бѣжалъ Мустафа Чалашъ изъ тюрьмы и скрылся туда, гдѣ синѣютъ горы.

Долго шелъ лѣсомъ и зналъ, что недалеко уже Таракташъ, да трудно идти въ гору, усталъ.

А позади звенитъ колокольчикъ, догоняетъ,—ѣдетъ становой.

Спустился Мустафа Чалашъ въ Девленъ-дере, Пропалую балку, какъ зовутъ ее отузскіе татары.

Если нападаетъ на кого Карасевда, непремѣнно придетъ сюда, чтобы повѣситься.

Легъ Мустафа Чалашъ подъ дерево. Вѣтра нѣтъ, а каждый листъ дрожитъ, шевелится, говоритъ что-то.

Можетъ быть, что осень пришла; можетъ быть жалѣетъ человѣка, который пришелъ сюда.

Было жарко. Закрылъ глаза Мустафа Чалашъ и пришелъ къ нему странный сонъ.

Сидитъ, будто, старый козскій Аджи-Муратъ у себя передъ домомъ, пьетъ холодную бузу, ждетъ невѣсту. Ѣдетъ свадебный мугудекъ и четыре джигита держатъ надъ нимъ на сурекахъ шелковую ткань.

Остановился мугудекъ. Бросилъ Аджи-Муратъ джигитамъ по монетѣ. Опустили джигиты золотые сурекн, крикнули: айда! Подхватилъ на руки ткань невѣстинъ дядя, завернулъ въ нее невѣсту и унесъ въ домъ.

Заиграли чалгиджи, изо всей силы ударило думбало.

— Айда! крикнули джигиты и Мустафы Чалаша невѣста стала женой стараго Аджи-Мурата.

Мяукнула въ кустахъ черная кошка. Вздрогнулъ Мустафа Чалашъ, проснулся.

Смотрѣли на него съ дерева злые глаза. Не видѣлъ ихъ Чалашъ; только ныло сердце.

Совсѣмъ близко подкралась Карасевда.

Схватилъ Мустафа Чалашъ дорожную сумку, выбрался изъ балки. Увидѣлъ свои горы: Алчак-кая, Куш-кая... Легче стало.

Садилось солнце, спадала жара, по всему лѣсу неслись птичьи голоса. Запѣлъ и Чалашъ.

— Алчак-кая, Куш-кая, Сарындэн-Алчак... Эмир Эмирсы бир кызы памукшанъ имшакъ.

— Слаще меда, тоньше ткани, мягче пуха Эмиръ Эмирисова дочь...

Завтра день подъ пятницу; завтра ночью пойдетъ Мустафа Чалашъ подъ окно къ невѣстѣ, скажетъ Гюль-Беязъ „горячее слово".

Скажетъ:—Любимая, самъ Аллахъ назначилъ такъ, чтобы я полюбилъ тебя. Ты судьба моя; моя тактыръ. Говоритъ тебѣ женихъ твой.

И отвѣтитъ Гюль-Беязъ:

— Ты пришелъ, значитъ цвѣтетъ въ саду роза, значитъ благоухаетъ садъ.

И расцвѣтетъ сердце Мустафы, потому что любитъ его та, которая лучше всѣхъ.

Пришла ночь, зажглись звѣзды, зажглись огни по долинѣ.

Вотъ бугоръ; за нимъ домъ стараго Чалаша.

Сидитъ на бугрѣ нищій цыганъ, узналъ его.

Вернулся?

Подсѣлъ къ нему Мустафа.

— Нэ хабер? Что новаго?

— Есть кое-что...

Помолчалъ немного.

— Вотъ скажи, какой богачъ Аджи—Муратъ, а на свадьбѣ двухъ копеекъ не далъ.

— Какой свадьбѣ? удивился Мустафа.

— Гюль-Беязъ взялъ, двухъ копеекъ не далъ.

Вскочилъ на ноги Мустафа Чалашъ, сверкнулъ за поясомъ кинжалъ

— Что говоришь?

Испугался цыганъ.

— Спроси отца.

Какъ въ огнѣ горѣлъ Мустафа Чалашъ, когда стучалъ въ дверь къ отцу и не узналъ старикъ сына, принялъ за разбойника.

Испугался еще больше, когда понялъ, что сошелъ сынъ съ ума отъ любви къ Гюль-Беязъ.

Не ночевалъ дома Мустафа Чалашъ; разбудилъ двухъ-трехъ молодцовъ, позвалъ въ Судакъ ракы пить.

Разбили молодцы подвальную дверь, выбили дно изъ бочки, пили.

Танцовалъ въ винѣ Мустафа Чалашъ, танцовалъ хайтурму, всю грудь себѣ кинжаломъ изранилъ, заставлялъ товарищей пить капли крови своей, чтобы потомъ не выдали.

А на другой день узнали всѣ въ Судакѣ и Таракташѣ, что вернулся Мустафа Чалашъ домой и что тронула его Карасевда.

Дошелъ слухъ до Козъ, гдѣ жилъ старый Аджи-Муратъ съ молодой женой. Испугался аджи.

— Чего не сдѣлаетъ человѣкъ, когда тронетъ его Карасевда.

Заперъ Гюль-Беязъ въ дальнюю комнату и самъ боялся выйти изъ дому.

Но разъ пошелъ въ садъ, за деревню и не узналъ своего мѣста. Кто-то срубилъ весь виноградникъ.

Догадался Аджи-Муратъ кто, и послалъ работника заявить въ волость.

А ночью постучалъ работникъ въ дверь.

Отворилъ Аджи-Муратъ дверь; не работникъ, самъ Мустафа Чалашъ стоялъ передъ нимъ.

— Старикъ, отдай мою невѣсту.

Упалъ передъ нимъ аджи: — Не зналъ я, что вернешься ты. Теперь не пойдетъ сама.

— Лжешь, старикъ, крикнулъ не своимъ голосомъ Мустафа.

— Позови ее сюда...

Попятился аджи къ дверямъ, заперся въ жениной комнатѣ, черезъ окно послалъ будить сосѣдей.

Сбѣжались люди.

Ускакалъ Мустафа Чалашъ изъ Козъ, а позади него на сѣдлѣ уцѣпилась черная кошка.

Теперь всегда она съ нимъ. По ночамъ разговариваетъ съ нею Мустафа, спрашиваетъ совѣта.

И подсказала Карасевда пойти въ Козы, къ Гюль-Беязъ, потому что заболѣлъ старикъ и не можетъ помѣшать повидать ее.

Удивился нищій цыганъ, когда отдалъ ему Мустафа Чалашъ свой бешметъ, а себѣ взялъ его отребье.

— Твои лохмотья теперь дороже золота для меня.

— Настоящая Карасевда. Совсѣмъ голову потерялъ, подумалъ цыганъ.

Одѣлъ Мустафа Чалашъ цыганскую одежду, взялъ въ руки палку, сгорбился, какъ старикъ, и пошелъ въ Козы просить милостыню.

Кто хлѣба, кто монету давалъ. Пришелъ и къ Аджи-Мурату. Лежалъ больнымъ Аджи-Муратъ и сидѣла Гюль-Беязъ одна на ступенькѣ у дома. Протянулъ къ ней руку Мустафа Чалашъ и положила ему Гюль-Беязъ въ руку монету. Не узнала его.

Сжалось сердце, зацарапала Карасевда.

— Мустафу Чалаша забыла?

— Атылан іок гери донмез.

— Пущенная стрѣла назадъ не возвращается, покачала головой Гюль-Беязъ.

— Значитъ, забыла, крикнулъ Мустафа Чалашъ и бросился къ ней съ ножемъ.

Но успѣла Гюль-Беязъ уклониться и скрылась за дверью.

И пошли съ тѣхъ поръ на суданской дорогѣ разбои. Не было ночи, чтобы не ограбилъ кого Мустафа Чалашъ. Искали его власти; знали, что гдѣ-то близко скрывается и не могли найти.

Потому что нападалъ Чалашъ только на богатыхъ и отдавалъ награбленное бѣднымъ.

И скрывали его таракташскіе татары, какъ могли.

— Все равно, скоро самъ уйдетъ въ Девленъ-дере.

И ушелъ Мустафа Чалашъ въ Девленъ-дере.

Въ лохмотьяхъ пришелъ; одинъ пришелъ, бросили его товарищи, увидѣли, что совсѣмъ сумасшедшимъ сталъ. Ужъ не ночью только, цѣлые дни разговаривалъ Чалашъ съ черной кошкой. Желтымъ сталъ, не ѣлъ, глаза горѣли такъ, что страшно становилось.

Пришелъ въ Девленъ-дере и легъ подъ то дерево, гдѣ отдыхалъ, когда бѣжалъ изъ тюрьмы.

Заснула скала подъ синимъ небомъ, хотѣлъ заснуть и Чалашъ. Не могъ только. Жгло что-то въ груди, ловили губы воздухъ, не могъ понять, гдѣ онъ.

Три большихъ дуба подошли къ нему и одинъ больно ударилъ по головѣ.

— Затягивай крѣпче шею, сердился другой, старый, похожій на Аджи-Мурата.

Толкнулъ третій изъ-подъ ногъ камень и повисъ Мустафа Чалашъ въ воздухѣ.

Нашли его отузскіе еще живымъ и добили кольями.

— Отузскіе всегда такъ, говорили въ Козахъ и жалѣли Чалаша.

— Настоящіе горцы, настоящіе „таты", хвалили таракташцевъ въ Кутлакѣ и Капсихорѣ.

Вздохнетъ таракташецъ, вспоминая Чалаша.

— Сейчасъ тихо у насъ. Кого убили, кого въ тюрьму увели. И увидѣвъ орла, который паритъ надъ Бакыташемъ, опуститъ голову.

— Были и у насъ орлы. Высоко летали. О нихъ еще помнятъ старики. Не случись Карасевда, Мустафа Чалашъ такимъ-бы былъ.

АЙ-САВВА

(Судакская легенда).

Ихъ было три, три старыхъ, почти слѣпыхъ монаха. Такихъ старыхъ, что забыли-бы какъ ихъ зовутъ, если-бы не поминали каждый день за молитвой:

— Павло, Спиридо, Василевсъ.

Пришли татары, взяли крѣпость, сожгли Сугдею.

Кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ въ горы; разбѣжались и монахи.

Только Павло, Спиридо и Василевсъ остались у Ай-Саввы, у святого Саввы, потому что куда бѣжать, если не видишь, что на шагъ

впереди. И еще потому, что, когда долго живешь на мѣстѣ, трудно съ нимъ разстаться.

Въ тотъ годъ раньше времени настала студная зима и покрылись крылья Кушъ-кая, Соколъ-горы снѣжнымъ пухомъ. Сильнѣе прежняго гудѣлъ Сугдейскій заливъ прибоемъ волнъ; плакалъ, взвизгивая, острый вѣтеръ ущелья; по ночамъ вылъ звѣрь у самой церковной ограды. А передъ днемъ Рождества налетѣла снѣжная буря и не могли старцы выйти изъ келій, чтобы помолиться въ церкви.

Уже нѣсколько дней не встрѣчались они и не знали—живы-ли, нѣтъ.

Но въ праздникъ Василевсъ, менѣе старый, чѣмъ другіе, ударилъ въ церковное било и когда на зовъ его никто не отозвался, догадался, что Павло и Спиридо оставили его навсегда.

Стоятъ рядомъ кони, не думаютъ одинъ о другомъ, а уведутъ одного—скучаетъ другой.

Взгрустнулось Василевсу. Видно близокъ и его часъ.

— Савва, преподобный отецъ, молился Василевсъ, опустившись на церковную плиту, и думалъ о близкомъ концѣ.

Но стихъ ураганъ и въ церковное оконце залетѣлъ солнечный лучъ.

Обрадовался ему Василевсъ.—Можетъ быть еще поживу.

Придетъ весна, запоетъ въ лѣсу хораломъ птицъ, закадитъ передъ Творцомъ благоуханіемъ земли.

— Докса си, Киріе, докса си. Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ.

Такъ думалъ Василевсъ и улыбнулся своей мысли.

— И хора инэ одельфи дис липис.

— Радость и печаль—сестры, только одна стоитъ впереди и не хочетъ оглянуться на другую, пока не случится.

Распахнулась тяжелая дверь. Оглянулся Василевсъ.

У входа сверкнули мечи.

— Вотъ монахъ, крикнулъ передовой, и рванулъ Василевса за руку, чтобы показалъ, гдѣ скрыты богатства.

Потянулся Василевсъ взглядомъ къ алтарю. Онъ послѣдній, кто служилъ передъ нимъ, кто благодарилъ Творца за радость жизни.

Убьютъ его, запустѣетъ храмъ, рухнутъ стѣны.

И воззвалъ къ Саввѣ, чтобы спасъ обитель.

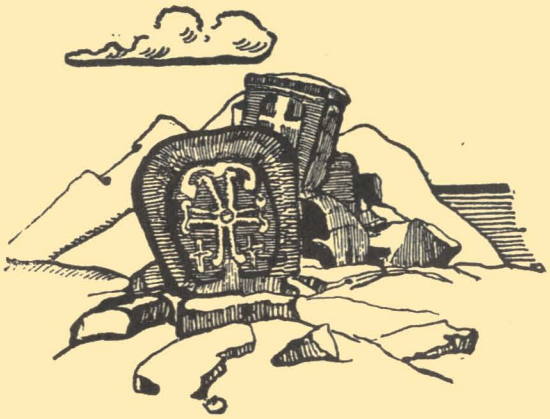
Точно спала на мигъ пелена съ глазъ, озарилась церковь лучистымъ свѣтомъ и изъ-за престольнаго камня поднялся въ свѣтѣ высокій старикъ.

И когда напавшій ударилъ Василевса мечемъ и брызнула на полъ его кровь, свѣтлый старикъ коснулся рукой престольнаго камня.

И изъ него истекъ источникъ живой воды.

— Мегасъ и Киріе, ке ѳавмаста та ерга су. Великъ Ты, Господь, и чудны дѣла Твои.

Прошли тысячи зимъ мягкихъ и суровыхъ, забыли въ Айсавахъ о святомъ Саввѣ, а источникъ бѣжитъ по-прежнему изъ-подъ престольнаго камня и тамъ, гдѣ пробѣгаетъ свѣтлый ключъ—растутъ цвѣты и плоды и радуется человѣкъ.



КЭДЭ

(Алуштинская легенда).

Кошка, когда крадется, чтобы поймать птицу, не такъ была хищна, какъ Назлы дочь Решеида.

Ахъ, Решеидъ, Решеидъ, Аллахъ знаетъ, какъ наказать человѣка.

Въ Демерджи боялись Решеида. Злой былъ человѣкъ; злой и хищный, какъ старая лисица. Тихо говорилъ; балданъ татлы — сахарное слово зналъ, улыбался, придумывая человѣку обиду.

Пошла Назлы въ отца. Ласкалась, хвалила его; распускалось у отца сердце, какъ благоухающая роза. Тогда дергала Назлы отца за бороду, царапала, кусала его, и убѣгала въ жасминъ. Не достанетъ тамъ отецъ.

— Хи!

Скрывалъ Решеидъ отъ людей свое горе и попрежнему былъ важенъ, когда на улицѣ ему кланялись и свои, и чужіе.

На много верстъ кругомъ знали Решеида. Отъ Демерджи до Алушты тянулись его сады, а тратилъ на себя меньше, чѣмъ слѣпой Мустафа.

Напрасно все это, Решеидъ-ага.

Умретъ богачъ, не больше останется, чѣмъ отъ бѣднаго.

Ѣхалъ Решеидъ изъ Алушты, продалъ хахылгана.

Если побить больного по спинѣ и потомъ продать бѣлаго пѣтуха,— хахылгана, то, когда начнутъ зеленѣть деревья, вся твоя болѣзнь перейдетъ къ другому, кому продалъ хахылгана.

Болѣлъ у Решеида давно животъ, теперь больше не будетъ болѣть.

Шла дорога въ гору. Устали лошади бѣжать, усталъ Сейтаръ погонять.

— Айда, Сейтаръ, сердился Решеидъ.

Не свои были лошади, чужихъ нанялъ, нечего было жалѣть.

Смотрѣлъ Решеидъ-ага на свой садъ, пріятно было.

Миндаль одѣлся листьями, другія деревья были въ цвѣту.

Думалъ Решеидъ: —Кто нибудь двадцать тысячъ дастъ, опять не отдамъ.

Оглянулся назадъ. Высоко поднялись. Синее море, какъ стѣна стало. Красиво было смотрѣть. Только не подумалъ объ этомъ Решеидъ-ага, о другомъ подумалъ.

— Какъ много добра даромъ пропадаетъ. Когда кушаютъ люди, сколько сала на тазу остается...

Мяукнула у плетня кэдэ, кошка.

— Отчего кэди эти, напримѣръ, нельзя ѣсть? Ну, самъ не ѣшь, гостей можно накормить. Прибавить курдюку—хорошій пилавъ будетъ.

Пріѣхалъ домой. сказалъ Назлы, что думалъ по дорогѣ.

Смѣялась Назлы.

— Вотъ хорошо. Непремѣнно сдѣлаемъ такъ. Соберемъ сосѣдскихъ кошекъ. Сама рѣзать буду. Позовемъ гостей изъ Шумы!

Радъ былъ Решеидъ посмѣяться надъ шуминцами.

Давно хотѣлъ ихъ наказать за то, не что продали ему лѣса.

— Сдѣлаемъ. Только смотри, никому не говори.

Пропала кошка у одного, у другого. Мало ли куда могла забѣжать. Не удивились.

Удивились, что Решеидъ-ага гостей изъ Шумы позвалъ всѣхъ, кто бороду запустилъ.

— Не даромъ.

Подала Назлы пилавъ. Дымился рисъ, только немножко непріятный запахъ былъ. Точно кошка близко ночевала.

Однако шуминцы ѣли, нѣкоторые даже хвалили.

— А ты отчего самъ не ѣшь? угощала Назлы отца.

— Попробовалъ бы, какъ я приготовила.

Отплюнулся въ сторону Решеидъ, смолчалъ.

А шуминцы хвалили.

— Хорошая хозяйка у тебя дочь, охъ, хорошая, въ тебя вся пошла.

И много еще другого говорили хозяину.

Только икнулъ одинъ и показалось ему, что въ животѣ у него мяукнула кошка.

Слышали другіе, подумали:

— Обрадовался человѣкъ, что въ гостяхъ объѣлся.

Однако, когда на ночь вернулись въ Шумы, не у одного, у всѣхъ замяукало въ животѣ.

Не спали всю ночь, мучились, точно кто царапалъ внутри.

А старый Асанъ чуть не умеръ.

— Да что ты, кошку что ли съѣлъ, сердился на него сынъ, потому что тотъ не давалъ ему спать.

И подумалъ Асанъ—не посмѣялся ли въ самомъ дѣлѣ надъ ними Решеидъ-ага, не накормилъ ли дрянью.

А на утро вся деревня узнала, что накормилъ Решеидъ-ага людей пилавомъ изъ кэдэ.

Шли мимо два демерджинца и посмѣялись надъ глупостью шуминцевъ.

Обрадовались, кошатины наѣлись. Мяу, мяу!

И стало отъ всѣхъ шуммицевъ послѣ этихъ словъ пахнуть кошкой. И черезъ мѣсяцъ, и черезъ годъ, и черезъ десять лѣтъ, и даже теперь не прошло. Ѣдешь мимо Шумы слышишь кошку.

Можетъ быть, что и прибавилъ; не прибавишь хорошо не разскажешь.

— Артмасы—ганиме.

Только одно правда. Если проѣзжаешь по шоссе мимо Шумы - не дай Богъ сказать—мяу.

Лучше молчи.

Хорошо если тебя обругаютъ, или плюнутъ, случится топоръ, и топоръ въ догонку полетитъ. А не вѣришь—испытай. Крикни, проѣзжая —мяу.

Посмотри—что выйдетъ.

98
.108

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Элькенъ-кая, парусъ-скала	1
Старый храмъ	5
Мысъ Ильи	9
Мамаева могила	12
Солдаткинъ мостъ	16
Карадагскій звонъ	20
Ялыбогазскій камень	23
Кетерлезъ	26
Карасевда	30
Ай-Савва	35
Кэдэ	38

В 46322-3

Ф.К. 1927 3

Факсимильное издание
Симферополь, «Таврида», 1990

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА
(Комплект из 3-х выпусков факсимильных брошюр)

Подписано в печать 3.12.90 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,88. Усл. кр.-отт. 29,76. Уч.-изд. л. 30,47. Тираж 50 000 экз. Зак. 53. Цена 6 руб.

Издательство «Таврида», 333700, Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.